

Авторский комментарий четверть века спустя

Опубликованное выступление состоялось в ноябре 1989 г. на коллоквиуме левых сил в Париже. Организаторами мероприятия были Международный политический Форум (МПФ) и Социалистический исследовательский институт (СИИ) Французской социалистической партии. Как бы оттеняя значимость события, коллоквиум проходил в здании Сената в Люксембургском дворце. «Советский Союз: кризис системы и новые реальности», – так была сформулирована тема обсуждения. В то время внимание французской общественности, как, впрочем, и других стран Европы, было приковано к драматическим перипетиям советской перестройки.

На коллоквиум организаторы пригласили из СССР большую группу экономистов, социологов, юристов, журналистов, писателей, как серьёзных ученых, так и «лихих» публицистов диссидентского настроения. Среди участников были О. Богомолов, Ю. Левада, Л. Гордон, А. Стреляный, А. Салмин, М. Мамардашвили, В. Мансуров, Г. Павловский, Л. Ионин, С. Кордонский и другие (всего порядка 20 человек). В коллоквиуме участвовала и возглавляемая мною делегация Института общественных наук при ЦК КПСС. Она находилась в Париже в соответствии с планом сотрудничества с Институтом ФСП. Естественно, большинство участников составляли французские коллеги. Среди них – президент МПФ Жан Элленштейн, президент СИИ ФСП Колета Одри и директор Института Рене Фрегози.

В центре острой дискуссии, порой принимавшей страстный характер, оказалась оценка результатов, трудностей и перспектив советской перестройки. К этому времени уже достаточно ясно обнаружилась огромная сила исторической инерции, противостоявшей политике перестройки. Появились признаки надвигающейся страшной угрозы слепой стихии, разбуженной демократическими реформами и связанным с ними ослаблением рычагов социального контроля. Общественно-политическая мысль была поставлена перед проблемой: как демократизировать авторитарное общество, не ввергая страну в стихию анархического беспредела?

Эта проблема оказалась в фокусе жарких дебатов на коллоквиуме. Один из ораторов-радикалов предрекал, что европейских жителей вскоре ждёт «захватывающее зрелище» на просторах советской территории. Особенно острые споры развернулись вокруг вопроса о многопартийности в СССР и об отмене статьи 6 Конституции о руководящей роли КПСС в советской политической системе. Откликаясь на пожелание организаторов коллоквиума, я посвятил этому вопросу основную часть выступления. Как видится сказанное тогда с дистанции в четверть века?

В начале выступления мне пришлось отреагировать на развернувшуюся в первой половине дня дискуссию об идеологической ситуации в мире. К исходу 80-х гг. прошлого века мир вступил в стадию «торжества» неолиберализма, символически выраженного афоризмом Ф. Фукуямы о «конце истории». В выступлении этот тезис подвергнут критике, неолиберализму противопоставлена зарождающаяся демократическая альтернатива, с которой я связывал перспективу возрождения социализма.

Время подтвердило преходящий характер «неолиберального триумфа». Однако поиск альтернативы не дал однозначного результата. Более того, прогрессирующая глобализация мира закладывает фундамент чрезвычайно сложного и противоречивого социума, выстроенного по модели *единства в многообразии*. Трудно представить себе, чтобы эта модель формировалась на парадигмальной основе какой-либо одной идеологической системы ценностей: либеральной, социалистической, консервативной или любой другой. Скорее всего, это будет перманентный синтетический процесс взаимодействия разных идеологических систем на общечеловеческой основе метаидеологии нового гуманизма. Во всяком случае, рефлексия на эту тему в наше время выходит на более высокий уровень, чем это было в конце 1980-х гг.

Теперь о главной теме – место и роль партии в перестройке. Спор о том, быть или не быть многопартийности в СССР, к тому времени был уже беспредметным: многопартийность существовала по факту. Но я был убеждён тогда и остаюсь убеждённым поныне, что КПСС нельзя было отстранять от большой политики. Исторически советская политическая система строилась как партийно-государственная, КПСС была её скрепляющим системообразующим стержнем. Нельзя было выдернуть стержень, не обрушив всей конструкции. Поэтому, наряду с признанием преимуществ многопартийности, в выступлении предлагалось не форсировать отмену статьи 6 Конституции, что влекло за собой лишение КПСС ведущего положения в советской политической системе. Между тем, нравилось это кому-либо или нет, в стране не было другой силы, которая могла бы стать «политическим гарантом целостности общества».

Это означало, что успех перестройки решающим образом зависел от трансформации КПСС в партию демократического типа. Нельзя сказать, что

перестроечное руководство не понимало этого. На первых порах оно прилагало значительные усилия по демократизации партии, коренному изменению стиля и методов её деятельности. Однако ожидаемого результата не получалось. Инерция авторитарного опыта большевизма гасила эффект демократических инициатив. И тогда, в особенности после первых парламентских выборов, КПСС стали вытеснять на обочину политической арены. Впоследствии М. Горбачёв назвал это ошибкой. Думаю, это была роковая ошибка логистики перестройки: она лишала себя ресурсной базы государственности для защиты от надвигавшейся анархической стихии.

Лейтмотив моего выступления на коллоквиуме: главное звено советской перестройки – перестройка партии. Мало шансов, но они есть, и ими необходимо воспользоваться. Надежды возлагались на начавшуюся подготовку к очередному съезду партии.

Соображения, изложенные в выступлении, свидетельствуют о том, что в среде партийной интеллигенции того времени было понимание жизненной необходимости концентрации главных усилий на демократической модернизации партии ради сохранения её в мейнстриме перестройки и обеспечения консолидации трансформирующегося советского общества.

В процессе подготовки к XXIX съезду КПСС, который намечался на ноябрь 1991 г. и не состоялся из-за августовского путча, предпринимались реальные попытки реализации этих идей, что подтверждается деятельностью рабочей группы (в которой я имел честь состоять) по разработке проекта новой программы партии. Не без трудностей, трений и компромиссов в итоге длительных бдений удалось подготовить проект программы (опубликован в газете «Правда» 8 августа 1991 г.), который мог бы послужить исходной платформой трансформации КПСС в партию демократического типа.

К сожалению, было уже поздно: ослабление и деградация советской политической системы зашли слишком далеко. Августовский путч и Беловежская авантюра ускорили её крушение. Реформация общества, инициированная перестройкой, пошла другим, более трудным и зигзагообразным путём.

Главное – перестройка партии

Организаторы симпозиума просили меня высказать соображения относительно места и роли партии в советском обществе в процессе перестройки. Однако развернувшаяся здесь дискуссия вынуждает меня, по крайней мере, часть своего времени посвятить более общим вопросам, касающимся оценки происходящих в мире процессов и их отражения в общественном сознании.

В летнем номере американского журнала "National Interest" опубликована статья Фрэнсиса Фукуямы, переведённая и на французский язык. Статья называется "Конец истории?". Написанная ранее малоизвестным работником госдепартамента она неожиданно вызвала всеобщий интерес и оживлённую дискуссию во всём мире, сначала в США, а затем и в Европе. В Советском Союзе её тоже заметили. Автор утверждает, что наступает конец истории, поскольку, исходя из гегелевского понимания исторического процесса, человечество пришло к синтезу своего идеологического развития. Все идейные концепции, противостоявшие либерализму, потерпели крах. Последней, переживающей крушение, альтернативой был коммунизм. Теперь буржуазный либерализм победил окончательно. И это означает конец истории.

Думается, возможна и другая интерпретация идеологической ситуации в мире. И она мне кажется более правильной. Идёт борьба двух идеологических тенденций в поисках ответа на беспрецедентный вызов, который бросают человечеству технологическая революция и другие так или иначе связанные с ней глобальные проблемы. Под влиянием технологической революции буквально меняется фундамент общественного бытия человечества, и это, естественно, отражается и в общественном сознании. На этот вызов первыми откликнулись неоконсерваторы. Их ответ оказался эффективным и в Соединённых Штатах, и в Англии, и в ФРГ, и даже в тех западноевропейских странах, где социалисты пришли к власти со своими программами. Но затем объективная логика экономического развития потянула их тоже в русло неоконсерватизма. Это относится отнюдь не только к Франции, но и к Испании, в какой-то мере к Греции. Скорее надо искать исключение из общего правила.

Почему же восторжествовал неоконсерватизм? Почему он получил массовую

поддержку? Почему оказался таким устойчивым, хотя, казалось бы, асоциальные моменты неоконсервативной концепции очевидны? Ведь их программа включает требования демонтажа социальных завоеваний рабочего и демократического движения послевоенного периода времени. Полагаю, дело в том, что, возрождая лозунги буржуазного либерализма, неоконсерваторы нашли свой ответ на потребности технологической революции. Как я думаю, ответ ограниченный и даже опасный, но экономически эффективный. Технологическая революция изменяет всю структуру современной промышленности, внедряет новые технологии. А это предъявляет новые требования к человеку-производителю и организатору производства. Для нормального функционирования современного общественного производства от них требуются инициатива, оперативность, риск, предпринимательская активность.

Государственное регулирование экономики, на которой базировалась кейнсианская стратегия и на которое ориентировались рабочие партии, стало малоэффективным, громоздким. Под сомнение поставлены, надеюсь временно, и важнейшие принципы социализма – коллективизм, общественный контроль над производством. На первый план вновь выдвинулся индивидуализм, право сильного, что якобы оправдывается результатом – эффективностью производства. В этом – козырь неоконсерватизма.

Как вы могли понять из выступлений моих коллег, неоконсервативная концепция получила известное распространение и у нас, в Советском Союзе. Она разделяется рядом видных экономистов. Они говорят, надо отказаться от идеологической системы ценностей, перестать рассуждать о социализме, о его основополагающих целях – социальной справедливости, коллективистской солидарности. Была бы лишь эффективность, неважно, какой ценой.

Неоконсерватизм (или неолиберализм, как его иногда называют) – это тоже идеологическая система ценностей. Система, выражающая эгоистические интересы сильных и богатых, в противовес традициям демократии и социализма. Если бы был прав Ф. Фукуяма, утверждающий что неолиберализм не имеет альтернативы, то это было бы трагедией для всех, кто придерживается демократических и социалистических ценностей.

Однако, хотя и с оборонительных позиций, уже начался поиск демократической

альтернативы неоконсерватизму, Убеждён, что от этого поиска зависит судьба социалистической идеи и социалистического движения. Через демократическую альтернативу они могут и должны выйти на новый уровень социалистических требований, органически связанных с демократическими идеалами. В нашей стране эта линия развития связана с перестройкой. Она призвана, преодолев кризис социализма, который представляет собой не кризис принципов, а кризис раннего социализма, возникающего на исторической почве отсутствия адекватной для него инфраструктуры в экономике, в социальных отношениях, в политической культуре. Этот ранний социализм возник, когда в рабочем движении доминировала политическая культура конфронтации, отвечавшая тогдашнему уровню классовых взаимоотношений. Сейчас же рождается иная культура, отвечающая нынешнему уровню цивилизации. Это культура консенсуса. На этом фоне и видится поиск такой теоретической модели социализма, которая соответствует требованиям нового витка технологического и культурного прогресса.

С этим связана судьба перестройки в СССР. И, как мне кажется, с этим связана судьба прогресса в развитых капиталистических странах. Пьер Моруа как-то сказал, что XXI век будет веком социалистической идеи. Я считаю, что для этого есть все возможности.

Но тут нет предопределённости. Многое зависит от того, как себя проявят социалистические силы, смогут ли они возродить влияние социалистической идеи на новой технолого-экономической и социокультурной основе.

Теперь хочу высказать два соображения касательно места и роли партии в обновляющемся социалистическом обществе. Оба они относятся к многопартийности. По этому вопросу у нас идёт очень острая дискуссия. В ней, наверное, представлен весь веер возможных точек зрения. Несомненно, партия расплачивается сейчас за прошлое, за то, что она была по сути дела ядром административно-бюрократической системы. Она несёт ответственность за это. Конечно, нельзя забывать, что она была и инициатором перестройки. Неверно всё объяснять феноменом Горбачёва. Известно, что крупные и нужные люди в истории приходят тогда, когда в них есть потребность. И у нас эта потребность назревала давно. Перестройка выстрадана нами. Это ни в коей мере не исключает роли личности Горбачёва. Пожалуй, это один из немногих случаев

российской истории, когда нам повезло с лидером.

Первое соображение о многопартийности. Никто, вероятно, не будет оспаривать, что многопартийность весьма эффективна в демократических системах современных сложных обществ. Абстрактно говоря, многопартийная демократия при прочих равных условиях предпочтительней однопартийной.

Хотел бы, однако, поделиться одним сомнением. Среди социальных последствий нынешней технологической революции обращает на себя внимание появление каких-то новых параметров гражданского общества.

В нашей стране гражданское общество ещё только рождается. Если оно существовало в зачаточной форме, то сталинизм положил ему конец, сейчас всё начинается заново. Что же касается гражданского общества развитых стран Запада, то там некоторые его измерения меняются кардинальным образом. Наблюдаются признаки кризиса самой партийной системы. Партии уже неспособны охватить потребности общества, его многообразные интересы. И они прорываются в политику какими-то совершенно другими, непартийными каналами, через различного рода социальные движения, неформальные организации. Вряд ли этот наметившийся кризис ставит вопрос о полном отказе от партийной системы. Во Франции, где давно сложилась классическая партийная система, об этом вообще говорить трудно. Но, по-видимому, в этих обществах назревает глубокая качественная модернизация всей партийной системы под давлением новых требований.

И в этой ситуации нам предлагают: переходите к многопартийной системе! А может быть, мы сумеем шагнуть дальше, к каким-то отвечающим духу времени самоуправленческим началам в политической жизни? Может быть, сейчас, когда рождаются и дают о себе знать новые тенденции политического самовыражения, мы сможем найти более адекватные им политические формы? Зачем же нам обязательно идти по следам других обществ, если они уже ощущают потребность в чём-то новом?

И второе соображение. Вопрос о многопартийности нельзя ставить абстрактно, он должен быть поставлен на конкретную почву нынешнего советского общества. Пока я не вижу другой силы, кроме КПСС, которая могла бы стать политическим гарантом целостности общества. Она сама нуждается в кардинальной перестройке, чтобы выполнить эту миссию, но другой силы, способной консолидировать общество,

подвергающееся воздействию сильнейших центробежных тенденций – как социальных, так и национальных – просто не существует. В самолёте мне удалось прочитать в «Московских Новостях» комментарий Челидзе, эмигранта, бывшего советского гражданина, проживающего в Америке. Он хорошо знает наше общество, и, может быть, ему со стороны кое-что виднее. Он советует московским радикалам помочь Горбачёву консолидировать общество. Иначе – разнесёт страну на части. Решение проблем демократизации советского общества нужно искать на пути консолидации, выработки культуры консенсуса. У нас накопилось много неприязни и раздражения. Корни уходят в нашу историю. Скорее всего, нам тоже не избежать многопартийности. Но я убеждён, что форсирование этого процесса не способствовало бы формированию идейной и политической терпимости, преодолению политической культуры конфронтационности.

Конечно, как я уже сказал, нужна перестройка партии. От того, как пойдёт это дело, зависит очень многое. Сначала всё шло хорошо. Началось разрушение идеологических мифов, этой искусственно созданной идеологической реальности, стены, отделявшей партию, её функционеров от настоящей реальности. Потом обнаружилось, что на этом пути очень много препятствий. Инерция прошлого тяжкими гирями висит на партии. Предстоит добиться того, чтобы партия смогла аккумулировать в себе всё многообразие интересов и стремлений общества, во всяком случае, пока оно не сложилось в зрелое гражданское общество. Необходимо осмысление этого многообразия и его соединение в живом, подвижном, противоречивом, но всё же устойчивом политическом консенсусе. Сумеет ли КПСС добиться этого, сможет ли превратиться, используя выражение А. Грамши, в «коллективного интеллигента», – от этого зависит и её собственная судьба, и, как я убеждён, судьба перестройки советского общества.

Перестройка партии мне видится в двух направлениях. Во-первых, развитие самостоятельных начал, что позволит резко сократить действительно разросшийся аппарат, монополизировавший политические функции партии. Самостоятельные начала всё активнее пробиваются, но пока ещё недостаточно. Во-вторых, – это отношение к демократическому централизму. Сейчас это общая проблема для всех коммунистов. Некоторые партии просто от него отказались, объявив его устаревшим принципом.

Другие не отказались, но думают о его новом толковании. В конце концов, дело не в терминах. Очевидно, внутривнутрипартийные отношения нуждаются в таком развитии, которое открывало бы возможности взаимодействия различных взглядов и позиций, гарантировало бы права меньшинства. В партии необходима высокая культура терпимости к разным взглядам. В свете нового политического мышления такой культуры недостаёт повсюду. Но для нас, для нашей партии, учитывая её традиции, наследие прошлого, кристаллизовавшееся в жёстких структурах – это очень трудная проблема. Но другого пути нет. Думаю, многое прояснит в ближайшем будущем начавшаяся подготовка к очередному съезду партии.

И последнее. Какая существует альтернатива? Один из выступавших здесь советских радикалов рисовал альтернативу ожидающего западных зрителей захватывающего зрелища бурных столкновений в советском обществе. Россия знает немало кровавых бань. Кровавая баня ядерно-космической эпохи не обойдёт никого, она затронет весь мир. Пусть никто не тешит себя иллюзиями. В ней не будет зрителей, наблюдающих за событиями со стороны. Чернобыль – это предостережение. Разница между зрителями и актёрами, между сценой и партером исчезнет. Предложенная альтернатива – это дорога в бездну. Вот почему надо сделать ставку на конструктивные возможности, какими бы минимальными они ни были.